

Дорога наша — верная

Дружба, братское сотрудничество и взаимопомощь, вдохновляемые искренним стремлением помочь друг другу и добиться общего экономического подъема, царят в лагере мира и демократии, возглавляемом Советским Союзом.

Военная история и гонка вооружений, грызня и противоречия между Соединенными Штатами Америки и их младшими партнерами царят в лагере империализма.

Волчий закон правят миром реакции. Согласно этим законам монополии США используют угодливую политику правительств Англии, Франции и других капиталистических стран, чтобы все глубже внедряться в их экономику, милитаризировать ее, отобрать у них рынки сбыта, воспрепятствовать торговле со странами демократического лагеря.

Таким способом янки расшатывают, например, хозяйство некогда мировой державы — Англии, а теперь они открыто говорят, что Англия переживает процесс экономического разложения и вряд ли сможет играть важную роль в международных отношениях. Острогритые огуляются. «Надо заставить американцев понять», — заявляет лейбористский член парламента Вудро Уайатт, — что в Англии далеко не покойно и что союз — это «содружество». Но кому не ясно это «содружество»?

Седьмой с половиной, выразившей в колоссальную агрессивную Атлантического океана. Громадные военные расходы Англии, сумма которых ныне превышает в восемь раз, раз цифру 1937/38 бюджетного года, приносят военные приросты английским монополиям. Но военные авантюры отнюдь не открывают перед идеологами экономики крови и разрушений выходы из хозяйственных и политических противоречий.

Производительные силы капитализма, подталкиваемые кризисами, одноклассным развитием отраслей производства, работающих на войну, толпятся на месте. В Англии уровень промышленного производства упал в последние месяцы на 10 процентов. Все более свертывается производство средств потребления. Растет безработица, падает жизненный уровень народа. Жизнь простого человека в Англии невыносима. Он получает по карточкам мизерную порцию основных продуктов питания, нормы выдачи которых продолжают снижаться. Не так давно министерство продовольствия сообщило англичанам о снижении норм выдачи маргарина.

Положение в Англии в той или иной мере типично для всех капиталистических стран, попавших в тиски «содружества» с Уолл-стритом. В борьбе за источники сырья и ограбление народов других стран, которая происходит в условиях все большего сужения мирового капиталистического рынка, непрерывно обостряется грызня в лагере империализма, все о большей обаятельностью действует волчий закон капитализма, запущенного в неприемлемых противоречиях.

А в это время... свободные народы во главе с Советским Союзом, последовательно и мужественно проводя политику мира, отстаивая мирный труд, укрепляют дружественное, хозяйственное сотрудничество, идут вперед по пути непрерывного подъема экономики, развивающейся в интересах трудящихся.

Многочисленная семья народов демократического лагеря скреплена узами братства с Советским Союзом договорами о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, установила в своей среде экономические и политические отношения совершенно нового типа, доселе не известного в мире. Эти отношения основаны на равноправии, полном взаимном доверии и бескорыстной дружбе. Между странами демократического лагеря заключены долгосрочные торговые соглашения. Поставки новейших советских машин и оборудования в страны народной демократии увеличились в прошлом году по сравнению с 1948 годом в десять раз.

Нет такой области хозяйства и культуры народно-демократических стран, на которую бы не оказывали благотворного влияния братская помощь Советского Союза, передовой советский опыт. Никогда еще до нашего времени мир не видел таких бескорыстных, братских, исполненных интернационального долга взаимоотношений между людьми!

Страны лагеря мира, демократии и социализма идут вперед такими темпами, какие не сняты на одной капиталистической стране, в том числе и США.

Известно, что Советский Союз, увеличив в 1951 году объем промышленного производства почти в 13 раз по отношению к 1929 году, имеет за последние два года среднегодовой темп прироста валовой продукции промышленности свыше 14 процентов. Тяжело пострадавшие от войны страны народной демократии не только заделали раны, но и hanno превзошли довоенный уровень. В 1951 году он был выше довоенного в 1,7 раза в Чехословакии, почти в три раза — в Польше, почти в два раза — в Румынии, в два с половиной раза — в Венгрии, в 4,6 раза — в Болгарии. В прошлом году эти страны, по предварительным данным, увеличили объем промышленного производ-

ства еще на 22—25 процентов. А Албания, имевшая в 1951 г. превышение довоенных показателей более чем в пять раз, к этому году сделала новый огромный шаг вперед и почти в восемь раз превзошла довоенный уровень производства промышленной продукции. Неуданные темпы набирают Китай и другие страны демократического лагеря.

«Можно с уверенностью сказать, — пишет товарищ Сталин в своем гениальном труде «Экономические проблемы социализма в СССР», — что при таких темпах развития промышленности скоро дойдет до того, что эти страны не только не будут нуждаться в заводе товаров из капиталистических стран, но сами почувствуют необходимость отступать на сторону избыточные товары своего производства».

И в Советском Союзе и в народно-демократических странах за каждой цифрой новых хозяйственных успехов — живая душа основного экономического закона социализма, существенными чертами и требованиями которого является обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники. Дружественное хозяйственное сотрудничество, характерное для этих стран, обеспечивает, как отметили это на XIX съезде партии Г. М. Маленков, систематическое повышение жизненного уровня народных масс и полную занятость рабочей силы».

О счастье народном говорит, например, жизнь Гань Юн-туна, рабочего одного из мушкетерских заводов. До народной власти он, ограбленный духовно, лишенный возможности учиться, влачил нищенский образ жизни погуба, ютился с семьей в маленькой грязной коммуналке, которой вскоре лишился. Теперь Гань Юн-тун имеет постоянную работу, живет в новой благоустроенной трехкомнатной квартире; стол его обильный; в гардеробе — новое платье; на этажерке — книги; он обучился грамоте; за его здоровьем следит заводская поликлиника; к его услугам лучшие санатории и дома отдыха страны.

О счастье и радости многие могли бы рассказать и венгерский шахтер Арпад Лай, и румынский токарь Николае Васу, и польский трудящийся Болгарии, Чехословакии, Польши, Албании, Германской Демократической Республики — все они с каждым годом живут лучше, веселее, ибо с каждым годом растет народное хозяйство их стран, с каждым годом все дальше, вперед идет дружная семья народов демократического лагеря по пути подъема материального и культурного уровня. Уверенно говорят об этой поступи, например, цифры неуклонного роста государственных расходов новой Польши на нужды народного просвещения, на охрану здоровья и организацию социального обеспечения. В 1950 году на эти цели было израсходовано 12,9 миллиарда злотых, в 1951 году — 13,7 миллиарда злотых, а в истекшем году — 15,6 миллиарда злотых.

Дружба с великим Советским Союзом, братское сотрудничество и взаимопомощь свободных народов открыли им широкий путь к новым и новым успехам, нанесли сокрушительный удар по проклятому империалистическому лагерю, расчленившему экономическую блокаду воспрепятствовать их возрождению и развитию. Эта блокада обернулась против ее же затинщиков. Мировой демократический рынок растет и укрепляется. Товарооборот между странами лагеря демократии и социализма вырос за последние четыре года более чем в три раза и продолжает непрерывно расширяться.

В бесспорной ярости империализма пытаются пошатнуть дружбу народов, тасуют вырвать из возглавляемой СССР братской семьи свободных стран и бросить их под сапог монополий. С этой целью США и их младшие партнеры по агрессии засылают в страны социалистического лагеря свою шпионскую агентуру, копаются на доверенных связках истории, выискивают откуда самое гнусное отребье человечества и принимают его на свое содержание для шпионско-диверсионной службы, организуют и вдохновляют антинародные заговоры.

Но все эти проделки врагов мира и демократии обречены на скандальный провал. Пражский судебный процесс антигосударственного заговорщического центра в Чехословакии еще раз показал, что трудящиеся народно-демократических стран во главе с коммунистическими и рабочими партиями бдительно охраняют завоевания трудящихся, что нет и не будет места на их земле американско-английским шпионам и диверсантам.

Семья свободных народов во главе с первым «ударной бригадой» уверенно вступила в 1953 год. Решения XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза, гениальный сталинский труд «Экономические проблемы социализма в СССР» и реше- ния на заключительном заседании съезда, как могучий проектор, осветили путь вперед, воодушевили народы на новые подвиги в борьбе за мир и счастливую жизнь.

Сегодня с небывалой силой звучат пророческие ленинские слова: «Дорога наша — верная, ибо это — дорога, к которой рано или поздно неминуемо придут и остальные страны».

Памяти Н. А. Некрасова

8 января по всей стране отмечалось 75-летие со дня смерти великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова. Память поэта была посвящена торжественные заседания, научные сессии, литературные вечера и читательские конференции, состоявшиеся в различных городах страны. В Москве вечер памяти Н. А. Некрасова состоялся в Большом зале Государственной консерватории. Вступительное слово произнес поэт М. Исаковский. Доклад о жизни и творчестве великого русского поэта сделал главный редактор журнала «Звезда» В. Грузин.

Беседы и литературные вечера, посвященные памяти поэта, прошли в клубах и домах культуры Ленинграда. В Институте русской литературы Академии наук СССР состоялась некрасовская научная сессия. Вечер, посвященный 75-летию со дня смерти поэта, был организован в Доме писателя имени В. В. Маяковского. У могилы поэта на Ново-Девичьем кладбище, состоялся траурный митинг. В одном из домов Дзержинского района Ленинграда, находится

избранный участок № 35. Эта часть района связана с именем поэта. На стене старинного дома на Литейном проспекте установлена мемориальная доска с надписью: «Николай Алексеевич Некрасов жил 20 лет в этом доме и скончался 27 декабря 1877 года». Квартира поэта стала мемориальным музеем. Отсюда начинается улица Некрасова. В агитпункте избирательного участка был устроен на днях некрасовский вечер для избирателей.

В Киселевском педагогическом институте имени А. М. Горького происходила научная сессия, посвященная великому русскому поэту.

В Киселевске, Фрунзе, Алма-Ате и Минске состоялись писательские вечера, посвященные 75-летию со дня смерти Н. А. Некрасова. В связи с 75-летием со дня смерти Н. А. Некрасова вечера памяти великого русского поэта-демократа состоялись в Тбилиси, Ереване, Вильнюсе, Петрозаводске, Чите, Баку, Гомеле, Могилеве, Хабаровске, Иркутске и других городах страны.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 5 (3034)

Суббота, 10 января 1953 г.

Цена 40 коп.

К итогам поэтического года

Ушел 1952 год...

Обращаясь ко всему, что было создано советским народом в минувшем году, полезно подвести и некоторые итоги поэтического года.

Можно спорить о тех или иных успехах и неудачах, но то, что общие результаты поэтического года могли быть гораздо более значительными, — бесспорно.

Пора задуматься над тем, что наш читатель, который любит, понимает поэзию, ищет хорошие стихи, сейчас мало читает современных поэтов. Об этом говорят многочисленные письма в редакции газет и журналов. Автор одного из писем так жалко ждал новых хороших стихов, что и свое письмо изложил стихами, пусть наивными по форме, но искренними:

Поэты! Мы — ваших стихов читатели.

Мы их не читали, почитатели.

Но часто вы нам преподносите брак.

Пусть это печально, но это так...

К сожалению, это так. Может быть, один из самых серьезных недостатков нашей поэзии — ее слабая активность, недостаток боевого темперамента, горькая, наступательная душа. Поэт еще часто — регистратор событий, он отстает от них и видит только «спину» явления.

Вальс поэтической формы, бестемперamentности всегда идет рядом с отсутствием мысли. Когда поэту нечего сказать, он вдруг начинает задавать себе риторические вопросы, заранее зная, какие ответы должны за ними последовать.

Где я стою? У плываю Волго-Дона. А что перед собою вижу я? Знакомые роствальские колонны, Знакомых шпильев пики-острия.

И кажется: вода в канале синем шумит, как там, от этих мест вдали... Знакомый шум: вель с Балтики отныне На Волго-Дон приходит корабли!

Это — стихотворение Бронислава Кежуня «Знакомый шум» («Звезда», № 12, 1952 г.). Что отныне с Балтики приходит корабли на Волго-Дон, — это верно. Но для того, чтобы сказать только это, не нужно быть поэтом. Подобная констатация известных вещей без серьезной попытки поэтически осмыслить и раскрыть сущность увиденного свойственна многим стихам последнего времени.

В «Послании пролетарским поэтам» Владимир Маяковский призывает

работать над поднятием колоссальства, над улучшением качества.

Эту двукратную формулу многие наши поэты восприняли односторонне: с количественной стороны у них дело обстоит благополучно, здесь поэта не жалуют, а вот с качеством — хуже.

«Образовался неслучайный разрыв между количеством произведений стихов и их качеством», — пишет Степан Шнуров в статье «За высокую поэзию» («Правда», 13 декабря 1952 г.). Статья привлекала внимание общественности к тем серьезным недостаткам, которые мешают дальнейшему росту советской поэзии, тормозят ее развитие.

Поэтический год в целом был мало значимым. А как работала секция поэтов, которая является не только организационным, но прежде всего творческим объединением, призванным активизировать работу поэтов, серьезно обсуждать произведения, готовящиеся к печати, способствовать широкому обмену писательским опытом, повышению идейного уровня, росту художественного мастерства поэзии? Что сделано секцией на протяжении этого года?

На первый взгляд работа велась довольно активно. Обсуждались произведения А. Суркова (цикл «Шаги времени»), Н. Гривачева (стихи о Кавказе), Я. Хелемского («Комсомольская повесть»), В. Тушновой (поэма «Дорога на Кузнецкий»), Е. Шелевой (поэма «От имени женщины»), В. Доматовского (поэма «В суровый час»), Б. Журавлева (поэма «Вторая встреча»), С. Наровчатова (книга стихов «Солдаты свободы»), В. Бершадского (книга стихов «Вымысел мира») и других поэтов.

Однако оценок творческих результатов многие из этих обсуждений не дали. Некоторые поэты стараются вообще «обойти» секцию, не вынося своих произведений на товарищеское обсуждение. Не бывает и так: поэт предлагает оценить его произведение, а секция подходит к этому формально. Так получилось с кавказским циклом Н. Гривачева, об обсуждении которого большинство поэтов уклонилось.

На обсуждения часто не хватает еще должной прямоты, искренности, сильно себя зная стремление к захваливанию произведений, взаимному прощению поэтических грехов.

На одном из собраний секция шла речь о новой поэме В. Журавлева «Вторая встреча», посвященной строкам коммунизма («Октябрь», № 12 за минувший год). Это произведение молодого поэта. Оно требует внимательного отношения, разбора в печати. Автор не справился с формой поэмы, вместо поэмы у него получилось скорее большое стихотворение с отдельными удачными местами. Однако выступающие явно преувеличивали достоинства поэмы, захваливали ее. Пользы автору это не принесло.

На общем фоне выделяется заседание секции поэтов и открытое партийное собрание секции, посвященные обсуждению статьи Стенана Шпачева «За высокую поэзию» и некоторых вопросов мастерства

В СЕКЦИИ ПОЭЗИИ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

на материале минувшего поэтического года.

Что отличает эти два связанных между собой обсуждения от многих прошлых заседаний секции поэтов? Прежде всего дух требовательности друг к другу, открытый разговор об отставании поэзии, отсутствие оглядки на «имена» и «положение».

Сергей Смирнов показал, что отсутствие выразительности и редакторской требовательности привело к разбужению книги Е. Доматовского «Сталинградские стихи». В ней помещено около 50 стихотворений, но только 8—9 из них можно назвать вполне удавшимися, хорошими; «Море придет», «Медаль за форсирование Янды», «Делегация немецких женщин» и некоторые другие. Препятствием было бы издать книгу меньшего объема, состоящую из наиболее удавшихся поэту стихотворений, и при этом издать ее большим тиражом.

Упомянув об этом выступлении С. Смирнова, следует сказать о том, что не проявил требовательности к себе и Л. Ошанин, автор стихов «Сталинград — Берлин», напечатанных в журнале «Звезда» № 9 за прошлый год. Здесь наряду с такими сильными стихами, как, например, «Наталия района прощается с нами», «Вера в завтрашний день», много поверхностных, слабых, мало интересных стихотворений. На секретариате Союза писателей, обсуждая очередные номера журналов, эта подборка стихов Л. Ошанина была подвергнута резкой критике. Но секция не обсуждала стихов 10 их появления в печати.

Сергей Васильев привел примеры слабой писательской выразительности — «Девичья песня» А. Суркова («Огонек», № 44 за минувший год) и «Черноморская песенка» С. Михалкова («Советский моряк», № 5).

— Молодые поэты в первую очередь подражают «образцам», — сказал он. — Об этом нельзя забывать. Вот С. Михалков пишет:

В небе звездочка мерцает И не гаснет под водой. А на палубе мечтает Черноморцем молодой...

и т. д.

А мне вспоминается чашечка:

С неба звездочка упала, Села на нос пелуху, Пелуху обняло стало, Он запел «ку-ка-реку».

Михалков не должен так относиться к своему творчеству.

Многие выступавшие отмечали описательность ряда стихов, циклов, поэм. В сущности, этот недостаток связан с «теоретической» бесконфликтностью, обрешавшей художника на изображение жизни, как чего-то застывшего, готового, неизменного. В поэтической практике это выражалось в том, что авторы интересовались процессом развития, создания, рождения нового, а конечные результаты. Отсюда — статичность образа, которую не спасут ни тщательность описаний, ни отдельные удачные детали.

Лев Ошанин в развернутом докладе, основанном на конкретном материале произведений прошлого года, показал, что глубокое понимание типического несомненно с пассивно-регистрационным отражением жизни.

Но его мнение, описательность грешит последний цикл М. Алигер «Денинские горы» («Знамя», № 11, 1952 г.). Автор упорно обходит острые ситуации. Все, начиная от сооружения главного корпуса до возведения звезды, совершается необычайно просто, без продолжения каких-либо серьезных трудностей.

Нередко, когда речь заходит о молодом поэте, критик не боится прямых и резких формулировок. Но когда перед ним произведение маститого поэта, тут сразу же одолевает робость, он слова не может выложить без смягчающей оговорки. От руководителей Союза писателей во многом зависит, будут ли созданы действительные условия для требовательной и безбоязненной критики, критики, не выходящая на лица. Это справедливо отметили многие выступавшие.

«Теория» бесконфликтности нанесла большой вред нашей поэзии. Отдельные отголоски этой теории можно было услышать и в некоторых выступлениях поэтов. На обсуждениях говорились, например, о том, что во время войны писать было, дескать, «легче», так как существовало открытый конфликт всего народа с врагом, а сейчас, мол, конфликты с трудом обнаруживаются и т. д. В послевоенное время появились и такие поэты, — правда, это были одиночки, — которые прямо признавали, подобно герою сатирических стихотворений Маяковского, «отдохнуть у тихой речки». Стоит предостеречь таких поэтов словами самого Маяковского:

Это где же вы, Молчанов, несбывоз узрели мирный?

реный одного и того же лирика сопутствует одна неизменная интонация. Мы видим на примере Маяковского, какие громадные социальные проблемы могут решаться в та называемой «любвиной лирике». Я процитирую недавно драматическую поэму Назыма Хикмета «Легенда о любви». Стало очевидно: почему по некоторым стихам можно составить себе ложное представление, что только сказочным героям «позволено» любить, ревновать, совершать чудесные поступки? Почему иные критики пытаются лишить права на эти чувства экзаваторских?

О. Берггольц упрекнула современных лириков в «самобоязни», в боязни выразить всю сложность, неповторимое своеобразие лирического характера.

Неправы были товарищи, усмотревшие в этих словах какую-то тайную опасность индивидуализма, эгоцентризма, субъективизма и т. п. В этих возражениях сквозила тенденция отделить личность поэта от изображаемой им действительности. Получалось, что лирик не должен раскрывать себя, он — лишь рупор времени. Но эти стороны друг от друга отделить невозможно. Наш поэт рассказывает о времени и о себе.

Молодой поэт Е. Евтушенко критиковал Н. Гривачева за то, что поэт нередко воспроизводит чужие интонации, пользуется образами, эпитетами, не раз бывшими в употреблении. Это и есть та «самобоязнь», о которой говорил О. Берггольц. Надо сказать, что ошибка эта свойственна не одному Н. Гривачеву. Халасовская критика не мало «поработала», убеждая поэтов в том, что в лирике поэт должен изображать «не себя», а только «современников».

— Критика требует от нас изображения человека в поэзии, — сказала М. Алигер. — Мы знаем, что в лирике есть прекрасные образцы портретов в стихах, напомним хотя бы одно дерматовское «Бородино». Но наряду с этим мне хочется сослаться на критику: как они считают — в стихотворении Державина «Парус» есть образ человека или это стихотворение про парус? Я думаю, что в этом стихотворении есть человек; это человек значительный, человек своего времени, своего народа, человек с большой, мятной судьбой. А в стихотворении всего 12 строк, и называется оно «Парус». Есть ли человек в стихотворении Пушкина «На холмах Грузии...» или это стихотворение о холмах?

Верно сказала М. Алигер о некоторых поэтах, которые, написав цикл лирических стихов и заранее презвизия упреки критиков, думают: дай-ка я добавлю сюда риста, тракториста, и мне не скажут, что у меня нет человека.

Нам нужны поэтические портреты современников, но портрет без характера становится штампом. Аспирант Литературного института В. Деметев говорил о холодах, стандартных образах; по страницам многих сборников кохочут агроном, который обязательно выходит в поле и разминает землю в руке, кузнец, который весной за окладцей «кует что-то железное», тут и мальчик-ремесленник, он обтачивает свою первую деталь, а слани его стоит мастер с усами и вдохновляет его на подвиг. А уж колхозных стариков-благотворов сколько угодно! Подобные стихи можно считать, не выходя из квартиры.

Показательно, что конкретное обсуждение вопросов поэтического мастерства ставило участников обратиться к опыту лучшего, талантливейшего нашего поэта Владимира Маяковского. О поэтическом мастерстве Маяковского говорили в своих выступлениях В. Ибнер, О. Берггольц, И. Доризо, В. Захарченко и другие.

В минувшем году в поэзии появились новые имена. Но и в этом отношении итог поэтического года был значительный, если бы наши опытные поэты нецелее делились своим творческим опытом с молодыми. П. Бауков упрекнул руководителей поэтической секции в том, что они проявляют незаинтересованность к судьбам молодых начинающих поэтов. Но эта верная мысль потонула среди мелочных объяснений, обид, упреков, которыми изобиловало его выступление.

В ряде выступлений говорилось о том, что наше время диктует все более высокие требования к поэзии. «Получилось парадоксальное положение», — сказал М. Петров. — Мы от читателей можем узнать больше, чем он от нас, а ведь мы — инженеры человеческих душ». Интересным было выступление В. Захарченко, рассказавшего о своих путевых встречах с читателями во время поездки в Кара-Кум. «Люди, с которыми мне пришлось встретиться, жадно набрасывались на новые стихи и оставались недовольными, когда ждал негодности. Нет еще у нас в поэзии подлинная широта, богатства, многообразия чувств».

Общее настроение участников выражал С. Шнуров, сказав, что обсуждение носило деловой характер, что это был настоящий, прямой, мужественный разговор, а не салонное распаривание друг перед другом и раздача лавровых венков.

Это верно. Однако это еще только начало той большой работы, которая предстоит. Надо повысить уровень анализа произведений на секции поэтов — так, чтобы каждый раз на конкретном примере ставить назревшие вопросы развития поэзии, а не ограничиваться лишь поочередным разбором книг, циклов, поэм. Обсуждения должны являться реальным материалом для выступлений в печати, для сборников статей о поэтическом мастерстве. Нужны также обсуждения, которые бы действительно злигали нашу поэзию вперед.

Читатель ждал крылатого слова, настоящей поэзии, которая не уходит в прошлое вместе с минувшим календарным годом, а остается с народом, помогая ему жить.

„Под сенью Академии художеств“

Озаглавленная так статья В. Сухареви́ча («Литературная газета» от 5 декабря 1952 г.) критиковала работу Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР.

Презиуми Академии художеств, возглавляемый А. М. Герасимовым, не счит нужным откликнуться на статью. Она обсуждалась на общем собрании сотрудников института. Решение этого собрания, полученное редакцией, лишь снова свидетельствует о том, что в институте царит атмосфера беспринципности, боязни критики.

В статье была подробно рассказана неприглядная история обсуждения порочной книжки сотрудника института В. Зименко «Советская портретная живопись». Руководство института, поддержанное президентом академии, приложило все усилия к тому, чтобы отстоять от справедливой критики эту книжку, изобилующую нигилистическими нападениями на классическое художественное наследие, грубыми ошибками при изложении истории советского искусства. В решении собрания, обсуждавшего статью, мимоходом говорится о том, что обсуждение книги Зименко было «неправильно организованно». Однако о самой книге по существу, о ее пороках, а решении не сказано ни слова. Эта странная «забычивость» не случайна. Выступавший на собрании секретарь парторганизации института В. Прытков рассуждал о достоинствах и положительных сторонах книги, которые-де есть в ней наряду с ошибками. Эти рассуждения прозвучали оскотом странное после того, как сам же В. Зименко «объяснил» на собрании недостатки своей книги тем, что написал ее... за две недели, публично признавшись, таким образом, в халтурном отношении к работе на данную тему.

Формулировки, приведенные в решении собрания посплывающие, уклончивые, а местами искажают действительное положение вещей. В решении сообщается, например, что «за последние два года институтом было подготовлено пять учебных и учебных пособий». Однако при проверке выяснилось, что два крупнейших учебника — по истории русского и советского искусства — возвращены в институт на доработку, которая будет завершена еще нескоро. Почему же в резолюции собрания не говорится об этом прямо и честно, почему ее авторы хитрят, ищут неправду? Почему при тщательном пересмотрении тех немногочисленных работ, которые уже вышли в свет, ничего не сказано об их недостатках?

Все это оставляет впечатление небрежности, стремления уклониться от критики, скрыть теневые стороны работы института. Особенно это очевидно в том пункте резолюции, где говорится: «Общее собрание сотрудников института не считает возможным, однако, согласиться с утверждениями тов. Сухареви́ча о том, что в институте якобы воцарилась атмосфера семейственности, взаимного восхваления, нравы, далекие от идейной принципиальности...»

Надо отметить, что на собрании раздавались голоса против вынесения этого пункта в резолюцию, однако руководство института настояло на его принятии. Между тем далекие от идейной принципиальности нравы нередко проявлялись в жизни института. История с обсуждением книги В. Зименко, достаточно показательна в этом смысле. Можно привести и другие примеры. На собрании говорилось о том, что сотрудники института отдалены от других научно-исследовательских учреждений, от контроля общественного мнения. Работы сотрудников института крайне редко направляются на рецензирование вне стен института, и это приводит, например, к тому, что главы по истории искусства Китая преплагались на рецензию специалистам... по искусству Испании, только потому, что он работает в институте!

Боязнь критики в институте порою принимает анекдотические формы. На учебник истории русского искусства была в свое время получена рецензия (А. Лебедева), содержащая ряд серьезных критических замечаний. Руководители института настолько отыски от критики, что не решились прочесть полностью эту рецензию даже членам Ученого совета, ознакомив их лишь с теми выдержками, которые содержали положительные оценки.

Даже внутри института нет подлинного творческого общения научных работников. Сотрудники и аспиранты одного сектора часто не допускаются на заседания другого, созданные труды не обсуждаются.

Неудивительно, что в такой обстановке келейной замкнутости, оторванности от жизни, боязни критики и самокритики зарождаются и получают развитие всякого рода ошибочные теории. Такова «теория» об отсутствии в изобразительном искусстве прошлого положительных образов, исповедовавшаяся не одним В. Зименко. Такое стремление некоторых сотрудников института поднять на щит реакционное салонно-академическое направление в русском и зарубежном искусстве, реабилитировать импрессионизм и т. д.

Нет, неблагоприятно обстоят дела в Научно-исследовательском институте теории и истории изобразительных искусств.

В коллективе института есть немало способных, честных людей. Но методы руководства работой института, сложившаяся в нем обстановка вызывают серьезную тревогу. Комитету по делам искусств СССР, в чьем ведении находится Академия художеств, необходимо принять решительные меры, чтобы направить деятельность института по верному пути.

Три выставки

В течение многих дней шли в Москву необычные грузы в тщательно упакованных ящиках, багажных ящиках-контейнерах, товарными вагонами, самолетами. Из сотен городов страны слани в столицу свои полотна, гравюры, скульптуры, изделия художественных промыслов участники открытых накануне нового года двух выставок, которые привлекают сегодня тысячи посетителей.

Только для одной из них — Всесоюзной выставки изобразительного творчества детей — было получено свыше тысяч экспонатов. Из них отобраны 850. Эти произведения детей, начиная с шестилетнего возраста, украшают залы оргкомитета Союза советских художников СССР.

Многие тысячи работ просматривает жюри, отбирая экспонаты для Всесоюзной художественной выставки 1952 года. То, что видят сегодня москвичи в залах Третьяковской галереи, — это лучшее из созданного художниками за истекший год.

Всего в 19 зал Третьяковской галереи показано свыше семисот новых работ: монументальные полотна, жанровые картины, пейзажи, натюрморты, карикатуры, иллюстрации к книгам, изделия мастеров Мстеры, Палеха, фарфор Дулиевской и других фабрик. В течение первой недели выставку посетили свыше 40.000 человек.

В залах Академии художеств СССР экспонировано свыше 140 работ, певца искусств природы, старейшего советского живописца В. Бакшеева, в связи с девяностолетием со дня его рождения. Это первая художественная выставка, открытая в 1953 году.

В ОДНОЙ ОБЛАСТИ

«Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды... идут необъятнейшие просторы, на которых уместятся бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих просторах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость», — писал В. И. Ленин. Это было более тридцати лет назад.

А сорок лет назад сюда, в глухие северные леса, съезжали русских революционеров. Об этом рассказывают документы и экспозиции одиннадцати музеев области. Особенно дорог советским людям дом-музей в Сольвычегодске — в этом городе в 1909, а потом в 1910—1911 годах жил в ссылке товарищ Сталин. Здесь было написано его знаменитое «Письмо в ЦК партии из сольвычегодской ссылки»...

Северное Поморье издавна славится своими товарами и земледелием. С Архангельска сюда везли меха, пушнину, рыбу, лес. В Архангельске, в Северном отделе Географического общества СССР, изучаются недавно найденные старинные рукописные поморские летописи, говорящие о высоком развитии русского мореплавания в те далекие времена.

Центр области — Архангельск. Город недаром называют «всесоюзной лесопилкой». Здесь пилат лес, здесь же готовят и кадры для лесной промышленности. Архангельский лесотехнический институт — первый научный центр. Сейчас в институте разрабатывается 45 научных тем, связанных с производством. Работники производства приезжают в институт — недавно здесь читал лекцию студент один из лучших рабочих области В. Волков. В институтской библиотеке большие спросом пользуются брошюры мастеров-новаторов А. Ульяковского и И. Песочного.

В Архангельской области на огромной территории разбросаны тысячи лесопромыслов, лесопунктов, лесных поселков. Многие из них расположены вдали от железной дороги.

Вот обыватели, каждодневные факты из жизни этих далеких уголков северной России. В поселке Шипилов (Нотландский район) состоялся литературный вечер, посвященный Гоголю и Шевченко, и это было первое в истории читательской библиотеки, насчитывающей в своем фонде более пятидесяти тысяч книг. В лесном поселке Юковка (Присельский район) состоялся шахматно-шахматный турнир. Рабочий Шелековский лесопункта (Присельский район) проводил конные соревнования.

Далеко на севере области, за Полярным кругом, находится Ненецкий национальный округ — край оленеводов, охотников, рыбаков. До Октября ненец не имел письменности, а сейчас в округе 61 школа, около 50 клубов, библиотек, «красных домов». Из одного только оленеводческого колхоза имени Вучейского 20 юношей и девушек учатся в техникумах и вузах.

Готовится к печати сборник ненецкого фольклора. Много были и сказаний для этого сборника записано со слов ненецкого художника и сказителя Тынко Вылки. «Президентом Новой земли» называют этого знатного ненеца, уже двадцать девять лет беспрерывно руководящего Новоземельским островным Советом. За эти годы здесь построены и прочно вошли в быт новоземельских рыбаков и охотников семнадцать школ, две больницы, большая библиотека: есть кино, радио.

Культурная жизнь Архангельской области связана с жизнью десятков советских городов. В Ленинградский университет поступил учиться сын оленевода, начинался стада Иван Белугин. Из нового высшего знания Московского университета приобрел картину архангельского художника Д. Ширяева «Долгая река Паденыи». В сокровищницу культуры всей страны вошли былинны и повести сказительницы Марфы Юрковой и Марьяны Толубовой.

Село Ломоносово (родина великого русского ученого) славится мастерами резьбы по кости. Работа холмогорских косторезов П. Черникова и М. Штанга — кубок «Мир—миру» — экспонировалась на республиканской выставке в Москве.

...Тысячи километров, разделяющие Архангельск и Пекин, не мешают дружбе двух коллективов самых маленьких граждан нашей страны и Китайской Народной Республики — детского сада имени 6-го июня в Пекине и детского сада № 28 в Архангельске. В недавно полученном Пекинской школе воспитатели и родители китайских ребят пишут: «Мы приносим все силы, чтобы сохранить мир и защитить детей...»

В письме был вложен текст китайской детской песни о голубе мира. Ее уже разучили и поют архангельские ребята.

Э. МАКСИМОВА,
спец. корр. «Литературной газеты»

АРХАНГЕЛЬСК

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ОБ ОДНОМ НЕИЗЖИТОМ КОНФЛИКТЕ»

Так была озвучена статья Н. Геминю, опубликованная в «Литературной газете» 2 декабря 1952 года. В статье приводились примеры грубого нарушения строителями Куйбышевской области санитарных норм при сдаче в эксплуатацию жилых домов.

В связи с этим редакция получила письмо начальника Куйбышевского территориального строительного управления Главнефтегазостройства тов. Мироню. Он сообщает, что действительно дома в кварталах 39 и 39-а города Новокуйбышевска и в одном из поселков заселены

до подключения их к канализационной сети.

Тов. Мироню пишет, что вопрос этот разбирается у заместителя министра нефтяной промышленности СССР тов. Сафранкина, и в результате принятые меры, говорится в письме, в последних числах декабря указанные недостатки будут исправлены. Однако, как показала проверка, до сих пор обещания тов. Мироню остаются невыполненными. Зачем же было вводить читателей газеты в заблуждение? Да еще сыграть при этом на авторитет заместителя министра...

до подключения их к канализационной сети.

Тов. Мироню пишет, что вопрос этот разбирается у заместителя министра нефтяной промышленности СССР тов. Сафранкина, и в результате принятые меры, говорится в письме, в последних числах декабря указанные недостатки будут исправлены. Однако, как показала проверка, до сих пор обещания тов. Мироню остаются невыполненными. Зачем же было вводить читателей газеты в заблуждение? Да еще сыграть при этом на авторитет заместителя министра...

до подключения их к канализационной сети.

Тов. Мироню пишет, что вопрос этот разбирается у заместителя министра нефтяной промышленности СССР тов. Сафранкина, и в результате принятые меры, говорится в письме, в последних числах декабря указанные недостатки будут исправлены. Однако, как показала проверка, до сих пор обещания тов. Мироню остаются невыполненными. Зачем же было вводить читателей газеты в заблуждение? Да еще сыграть при этом на авторитет заместителя министра...

до подключения их к канализационной сети.

Тов. Мироню пишет, что вопрос этот разбирается у заместителя министра нефтяной промышленности СССР тов. Сафранкина, и в результате принятые меры, говорится в письме, в последних числах декабря указанные недостатки будут исправлены. Однако, как показала проверка, до сих пор обещания тов. Мироню остаются невыполненными. Зачем же было вводить читателей газеты в заблуждение? Да еще сыграть при этом на авторитет заместителя министра...

до подключения их к канализационной сети.

Тов. Мироню пишет, что вопрос этот разбирается у заместителя министра нефтяной промышленности СССР тов. Сафранкина, и в результате принятые меры, говорится в письме, в последних числах декабря указанные недостатки будут исправлены. Однако, как показала проверка, до сих пор обещания тов. Мироню остаются невыполненными. Зачем же было вводить читателей газеты в заблуждение? Да еще сыграть при этом на авторитет заместителя министра...

до подключения их к канализационной сети.

Тов. Мироню пишет, что вопрос этот разбирается у заместителя министра нефтяной промышленности СССР тов. Сафранкина, и в результате принятые меры, говорится в письме, в последних числах декабря указанные недостатки будут исправлены. Однако, как показала проверка, до сих пор обещания тов. Мироню остаются невыполненными. Зачем же было вводить читателей газеты в заблуждение? Да еще сыграть при этом на авторитет заместителя министра...

до подключения их к канализационной сети.

Тов. Мироню пишет, что вопрос этот разбирается у заместителя министра нефтяной промышленности СССР тов. Сафранкина, и в результате принятые меры, говорится в письме, в последних числах декабря указанные недостатки будут исправлены. Однако, как показала проверка, до сих пор обещания тов. Мироню остаются невыполненными. Зачем же было вводить читателей газеты в заблуждение? Да еще сыграть при этом на авторитет заместителя министра...

до подключения их к канализационной сети.

Тов. Мироню пишет, что вопрос этот разбирается у заместителя министра нефтяной промышленности СССР тов. Сафранкина, и в результате принятые меры, говорится в письме, в последних числах декабря указанные недостатки будут исправлены. Однако, как показала проверка, до сих пор обещания тов. Мироню остаются невыполненными. Зачем же было вводить читателей газеты в заблуждение? Да еще сыграть при этом на авторитет заместителя министра...

до подключения их к канализационной сети.

Тов. Мироню пишет, что вопрос этот разбирается у заместителя министра нефтяной промышленности СССР тов. Сафранкина, и в результате принятые меры, говорится в письме, в последних числах декабря указанные недостатки будут исправлены. Однако, как показала проверка, до сих пор обещания тов. Мироню остаются невыполненными. Зачем же было вводить читателей газеты в заблуждение? Да еще сыграть при этом на авторитет заместителя министра...

до подключения их к канализационной сети.

Тов. Мироню пишет, что вопрос этот разбирается у заместителя министра нефтяной промышленности СССР тов. Сафранкина, и в результате принятые меры, говорится в письме, в последних числах декабря указанные недостатки будут исправлены. Однако, как показала проверка, до сих пор обещания тов. Мироню остаются невыполненными. Зачем же было вводить читателей газеты в заблуждение? Да еще сыграть при этом на авторитет заместителя министра...

до подключения их к канализационной сети.

Тов. Мироню пишет, что вопрос этот разбирается у заместителя министра нефтяной промышленности СССР тов. Сафранкина, и в результате принятые меры, говорится в письме, в последних числах декабря указанные недостатки будут исправлены. Однако, как показала проверка, до сих пор обещания тов. Мироню остаются невыполненными. Зачем же было вводить читателей газеты в заблуждение? Да еще сыграть при этом на авторитет заместителя министра...

до подключения их к канализационной сети.

Тов. Мироню пишет, что вопрос этот разбирается у заместителя министра нефтяной промышленности СССР тов. Сафранкина, и в результате принятые меры, говорится в письме, в последних числах декабря указанные недостатки будут исправлены. Однако, как показала проверка, до сих пор обещания тов. Мироню остаются невыполненными. Зачем же было вводить читателей газеты в заблуждение? Да еще сыграть при этом на авторитет заместителя министра...

до подключения их к канализационной сети.

Тов. Мироню пишет, что вопрос этот разбирается у заместителя министра нефтяной промышленности СССР тов. Сафранкина, и в результате принятые меры, говорится в письме, в последних числах декабря указанные недостатки будут исправлены. Однако, как показала проверка, до сих пор обещания тов. Мироню остаются невыполненными. Зачем же было вводить читателей газеты в заблуждение? Да еще сыграть при этом на авторитет заместителя министра...

до подключения их к канализационной сети.

Тов. Мироню пишет, что вопрос этот разбирается у заместителя министра нефтяной промышленности СССР тов. Сафранкина, и в результате принятые меры, говорится в письме, в последних числах декабря указанные недостатки будут исправлены. Однако, как показала проверка, до сих пор обещания тов. Мироню остаются невыполненными. Зачем же было вводить читателей газеты в заблуждение? Да еще сыграть при этом на авторитет заместителя министра...

до подключения их к канализационной сети.

Тов. Мироню пишет, что вопрос этот разбирается у заместителя министра нефтяной промышленности СССР тов. Сафранкина, и в результате принятые меры, говорится в письме, в последних числах декабря указанные недостатки будут исправлены. Однако, как показала проверка, до сих пор обещания тов. Мироню остаются невыполненными. Зачем же было вводить читателей газеты в заблуждение? Да еще сыграть при этом на авторитет заместителя министра...

до подключения их к канализационной сети.

Тов. Мироню пишет, что вопрос этот разбирается у заместителя министра нефтяной промышленности СССР тов. Сафранкина, и в результате принятые меры, говорится в письме, в последних числах декабря указанные недостатки будут исправлены. Однако, как показала проверка, до сих пор обещания тов. Мироню остаются невыполненными. Зачем же было вводить читателей газеты в заблуждение? Да еще сыграть при этом на авторитет заместителя министра...

до подключения их к канализационной сети.

Тов. Мироню пишет, что вопрос этот разбирается у заместителя министра нефтяной промышленности СССР тов. Сафранкина, и в результате принятые меры, говорится в письме, в последних числах декабря указанные недостатки будут исправлены. Однако, как показала проверка, до сих пор обещания тов. Мироню остаются невыполненными. Зачем же было вводить читателей газеты в заблуждение? Да еще сыграть при этом на авторитет заместителя министра...

до подключения их к канализационной сети.

Тов. Мироню пишет, что вопрос этот разбирается у заместителя министра нефтяной промышленности СССР тов. Сафранкина, и в результате принятые меры, говорится в письме, в последних числах декабря указанные недостатки будут исправлены. Однако, как показала проверка, до сих пор обещания тов. Мироню остаются невыполненными. Зачем же было вводить читателей газеты в заблуждение? Да еще сыграть при этом на авторитет заместителя министра...

до подключения их к канализационной сети.

Тов. Мироню пишет, что вопрос этот разбирается у заместителя министра нефтяной промышленности СССР тов. Сафранкина, и в результате принятые меры, говорится в письме, в последних числах декабря указанные недостатки будут исправлены. Однако, как показала проверка, до сих пор обещания тов. Мироню остаются невыполненными. Зачем же было вводить читателей газеты в заблуждение? Да еще сыграть при этом на авторитет заместителя министра...

БОЛЕЕ ТРЕХ МИЛЛИОНОВ КОЛХОЗНИКОВ И КОЛХОЗНИЦ ЗАНИМАЮТСЯ В ЭТИ ЗИМНИЕ МЕСЯЦЫ ПО ВЕЧЕРАМ НА АГРО-ЗООТЕХНИЧЕСКИХ КУРСАХ. ОНИ ИЗУЧАЮТ ПЕРЕДОВЫЕ, САМЫЕ ПРОГРЕССИВНЫЕ ПРИЕМЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ЖИВОТНОВОДСТВА.

Полученные знания на курсах слушатели применяют в производстве. Сейчас колхозники готовят к весне: задерживают снег на полях, выкашивают удобрения, очищают и сортируют семена, ремонтируют инвентарь.

К преподаванию на курсах привлечены десятки тысяч специалистов сельского хозяйства, научных работников.

Снимок сделан в колхозе имени Орджоникидзе Лозовского района, Харьковской области. Агроном А. Бубыр ведет занятие.

Фото С. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

Снимок сделан в колхозе имени Орджоникидзе Лозовского района, Харьковской области. Агроном А. Бубыр ведет занятие.

Фото С. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

ИНСТИТУТ „В СЕБЕ“

Путь держим из Херсона на Асканию-Нову.

Днепр пересекаем у Каховки. В пойме, на берегах, мощные земснаряды и экскаваторы расчищают место для плотины Каховского гидроузла. Здесь будет Днепровское море. Отсюда потечут воды Днепра по широким полям юга и наюгут влагой сотни тысяч гектаров сухой, жаждущей влаги земли.

Мы на правом берегу. Аскания-Нова — это оазис среди бескрайней ковыльной степи, в шестидесяти пяти километрах от Каховки, как раз в том месте, где пройдет Южно-Украинский канал.

При первом знакомстве с институтом поражаешься богатству природы, работе, преданной человеком по ее преобразованию.

Вот парк. На семидесяти гектарах раскинулся дремучий лес. В нем до двухсот пород деревьев!

Переходим широкую улицу по середине Аскания-Нова и попадаем в зоологический парк. Методами мичуринской науки люди изменяют природу животных. На нас смелым взглядом смотрят когда-то дикие антилопы-гну, зебу-акси, бангетинг, козероги, архары... В степи вымещаются стада оленей и антилоп-капи. Они теперь домашние, ручные.

Парк стал лабораторией по гибридизации и акклиматизации животных. Восстанавливаются исчезающие виды зебры, бизона, зубра.

Неподалеку расположены фермы крупного и мелкого рогатого скота. Вот стадо упитанных племенных быков.

— «Жаворонок», — поясняет научный работник, показывая на огромного быка с желтым копытом и ногами. — Помесь зебу с красной степной породой. Ему только три года. Весит он восемьсот килограммов, подрастет — перевалит за тысячу! Опыты доказали, что гибриды-производители коренным образом преобразуют домашних животных, делают их более жизнеспособными, резко повышают их продуктивность и мясо-жировые качества.

В стаде злитных коров — замечательные породы, выведенные институтом. Они известны своей молочностью, устойчивостью в различных климатических условиях нашей страны, особенно в южных районах. Здесь немало коров-рекордисток.

Асканийские овцы, выведенные академиком М. Ивановым, гибриды дикого муфлона с домашней оцой — большое достижение советской науки. Важное хозяйственное значение получили асканийский

многорукий и крупнорукий караули, степная украинская свинья и другие породы.

Когда грузинские колхозники, приехавшие в гости в Асканию-Нову, осматривали овцеводческую ферму, их поразили новые асканийские рекорды. Настриг шерсти барана асканийской породы в минувшем году достиг 29,4 килограмма; длина и качество шерсти — наивысшие; весит асканийский баран 176 килограммов.

— Вот нам бы завести в колхозах таких производителей, — говорили гости.

Такие желания здесь можно услышать часто. Но эти желания колхозников и работников животноводческих совхозов остаются желаниями: институт слабо передает свой богатый опыт. Общезвестно, что создатель института в Асканию-Нова академик М. Иванов смело вел свой эксперимент в животноводстве. За десять предвоенных лет институт дал колхозам и совхозам более семидесяти тысяч злитных производителей асканийских баранов и много других животных. Институт шел действительно вперед производством.

Но верен ли он этой традиции?

К сожалению, нет. После войны его связи с производством заметно ослабли.

Авторитетная комиссия еще в апреле 1950 года признала высокие качества многорукого караули, но институт и Министерство сельского хозяйства СССР не сделали и попытки расширить достижения в животноводстве. Одинадцать тысяч голов этой породы на институтской ферме развиваются «в себе», как любят здесь говорить.

Скороспелые породы асканийских овец тоже развиваются только «в себе». А ведь к концу пятой пятилетки поголовье тонкорунных овец должно значительно возрасти.

Более двадцати лет институт занимается выведением новых пород крупного рогатого скота: гибридов красной степной с шортлендами и зебу с красной степной. Результаты хорошие, еще новые породы имеют безусловные преимущества перед другими, особенно в районах орошаемого земледелия юга Украины и Туркмении. Но и эти породы ныне, кроме институтской фермы, не увидишь.

Дирекция института (директор Н. Балабанов) и Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина

письмо в редакцию

Советские читатели с большим уважением относятся к работникам книжной торговли. Среди них много культурных людей, умеющих порекомендовать покупателю книгу.

Однако есть еще книжные магазины, где за прилавком стоят работники, формально относящиеся к своему делу.

Некоторые книжничьи работники весьма своеобразно понимают борьбу за выполнение финансового плана. Они применяют недопустимые методы торговли, обязывая покупателей принудительно брать в

качестве «нагрузки» залежавшуюся продукцию.

Недавно в подмосковном городе Подольске продавали отрывные календари на 1953 год. Из магазина Книготорга вынесли на улицу корзины с календарями без картонок, прикрепляемых к стене.

Воспользовавшись отсутствием картонок, работники Подольского Книготорга в качестве обязательной «нагрузки» к календарям, стали продавать репродукции картин.

Покупатели отказывались от репродукций, резонно ссылаясь на то, что они не предназна-

чены для украшения комнаты, а для того, чтобы отделить листы. Человек шестидесяти лет? Да, конечно, но ведь человек должен уметь читать! Остаток жизни человек должен прожить в культуре! Остаток жизни человек должен прожить в культуре! Остаток жизни человек должен прожить в культуре!

...Я следил за спокойными, неторопливыми движениями советского рабочего на автоматической линии, оператора Володи Устименко. В это время ко мне подошел наладчик Николай Чакиди:

— Любопытствуй, наладчик Володей?.. Смышлялый парень! Знаешь, он в прошлом месяце выполнил норму на 156 процентов!

— Как? — удивился я. — Разве и на автоматической линии можно перевыполнять нормы? Тут ведь точный ритм, строго расчитанный цикл...

— Отчего же? — сказал Чакиди. — Очень просто. Полагается же определенное время на простои, на смену инструмента, ремонт механизмов. Непрерывные задержки. Сумеете сократить время простоя, и вот вам перевыполнение плана! Автоматическая линия уважает хорошего человека, а хороший человек — это тот, кто любит автоматическую линию. Вот Володя ее любит и бережет. Уж он проследит, чтоб «гирлянда» была залита маслом, да чтоб масло было требуемого качества, тогда и заливание будет постоянно. Каждый станок у него на линии, как зеркало, пылинки не увидишь, блестя!

В обещанный перерыв Володя Устименко окружил молодых рабочих. Он был комсоргом, и в этот день проводил беседу.

Разговор шел о пятой пятилетке. Устименко спросил: «Как это так получается? Продукцию мы должны за пять лет по СССР увеличить на семьдесят процентов, а народу на заводах прибавится всего на пятнадцать?»

— Понятный вопрос, — говорил Устименко. — А вот как? Ты нашу автоматическую линию видел? Вспомни-ка, сколько

народу обрабатывало головку блока до того, как отделили линию. Человек шестидесяти лет? Да, конечно, но ведь человек должен уметь читать! Остаток жизни человек должен прожить в культуре! Остаток жизни человек должен прожить в культуре! Остаток жизни человек должен прожить в культуре!

Вот уж, конечно, на неделю бывало несколько таких пятниц! Здесь можно было прослушать интересную лекцию о технике, доклад о международном положении. Володя прочитал столько книг, что библиотекарю пришлось выдать ему билет на выход за пределы библиотеки. Вот так паренек переступил порог читальни: «Что-то он еще себе потребует?»

Работа на автоматической линии не притупляла любознательность молодого рабочего — наоборот, разжигала. Когда на линию приходил электрик Стрельников и развешивал схему устройства электроприборов, Устименко оказывал тут как тут. Вместе со Стрельниковым он «путешествовал» по сложной схеме.

Когда однажды наладчик Михаилев ушел в отпуск, оператор Устименко с успехом его заменил. Он теперь знал все «капризы» машины, умел по показаниям прибора пульт управления обнаруживать «заболевший» участок, умел его отладить. Он не был роботом при автомате. Автомат был продолжением его рук, хотя он лишь издавал приказания к нему рукам, к стати, руками без мозгоз.

— Сколько я этих мозгоз набивал прежде, когда мы головку блока обрабатывали на обычных станках! — рассказывал Устименко. — Пока ее, прокладку, подвешиваешь, потянешь, замнешь, потом снимишь... А она весит девяносто килограммов! А теперь? Механическим креплением поставил на резьбланг, и головка сама пошла! Легко, приятно, а главное, интересно!

Так и было сказано: интересно!

Автоматическая линия на советском заводе не выматывает нервы человека, не опустошает его сердце, наоборот, она делает труд легким и необыкновенно интересным.

Советский рабочий, стоящий у автоматической линии, — это думающий человек. Так, например, электрик Стрельников обратил однажды внимание на то, что сверла, фрезы и развертки на линии вертятся не только при обработке детали, но и когда инструмент идет под углом новой головки блока. Стрельников ввел в линию такой прибор, который автоматически выключал моторы, когда заканчивалась операция, и снова включал их перед началом

ФЕЛЬЕТОН

Частник

в стане писателей

Заведующий отделом народного образования в Николаевском районе Днепровской области тов. Данилевский — это несомненный и удостоверенный ротозей. Он именно то, что в общепринятом называем «шляпа».

Тов. Данилевский оправдывается, повидимому, так: — Действительно, произошла ошибка, — это верно. Но бдительность я проявлял, документы проверял. Вот: паспорт № 562933 на имя Терского Анатолия Николаевича, прописан в Ленинграде; билет кандидата в члены Ленинградского отделения Союза советских писателей, а также Киевского отделения... Столичный писатель! Часто ли к нам такие приезжают? Можно ли было пропустить такой случай? А вы говорите: шляпа.

Документы у А. Н. Терского в порядке. Но сам он в не порядке. По званию ему надо было бы писать, а он читает. По месту жительства ему надо бы проследить юность в Ленинграде или Киеве, куда он недавно перекочевал, а он бродит по отдаленным районным углам.

А. Н. Терской не страдал болезнью славянолюбия. Нет, он не ищет славы и шумной известности. Он не боится от славы, — напротив, она и не гонится за ним. За ним гонится финишисектор, но не поспевает. А. Н. Терской с замечательным простоводом скачет из одного района в другой. Только что был в Калининградской области, читал лекции, брал деньги и — юркнул. Смотришь — вынырнул в Днепровской области: читал, брал, урал. Ищи ветра в поле!

Мы ничего не можем сказать о литературной деятельности А. Н. Терского — ни худого, ни хорошего. Ее нет. Говорят, она некогда была. Мы ничего не можем сказать и о лекторской деятельности А. Н. Терского — ни худого, ни хорошего. Она, словно круги на воде, прочных следов не оставляет. Кто же он, А. Н. Терской? Писатель? Нет. Лектор? Сомнительно. Не подлежит сомнению одно: он — комсомолец, частник. Он — современный корабельник. Но о его корабле никак нельзя сказать: «Ох, полна, полна...» В ней одна лекция под громким наименованием «Мужество, находчивость, дисциплина». Он торгует этой лекцией оптом и в розницу. В Николаеве, например, запрадал оттом на десять школ, по 350 рублей за штуку, и весь десяток отбарабанил за три дня. Успешный финишисектор произвел сложение, умножение и вычитание: как сверхскоростной лектор исчез, утопая в синири голубого дна.

А. Н. Терской — частник, никакого отношения не имеющий к литературе. Но он торгует «пол фирмой» СССР. Он именуется себя писателем: член секции детской литературы Ленинградского отделения СССР. Это звучит громко. Это раскрывает перед корабельником двери наших школ.

А. Н. Терской — частник, для которого коллектив только форма торговой рекламы. А. Н. Терской не любит коллектива, боится его, вечно избегает. Поэтому для своих лекторских прогулок он избирает самые отдаленные закоулки. Он прячется в тени от всякого общественного контроля. Как лектор, он должен был бы нести ответственность перед Обществом распространения политических и научных знаний или другой такой же организацией. Он должен был бы представлять текст лекции на просмотр, на рецензию. Но он не состоит членом такого общества. Он кандидат в члены Союза советских писателей, а союз не контролирует всю лекторскую деятельность своих членов. А. Н. Терской — сам по себе. Его частнособственническая, мелкобуржуазная натура не выносит общественной ответственности. Он ни перед кем не отчетливается, и никто от него отчета не требует.

Вот это и заслуживает наибольшего внимания в истории торговой деятельности «кандидата в члены». Наш народ с большим уважением относится к почетной профессии писателя. Быть членом Союза советских писателей — это высокая честь. Ее надо охранять, оберегать. Писательский коллектив несет ответственность за каждого своего члена. Каждый писатель несет ответственность за свой коллектив. Ответственность перед коллективом — это тягостная обязанность только для частника. Она стесняет свободу иго торгового оборота. Для советского писателя ответственность перед своим союзом — это неотъемлемая часть сознания своего общественного долга. Это не только обязанность, а и право, которое не всякому дано, которое надо заслужить честной работой.

Мы с полным основанием называем ротозеем тов. Данилевского, заведующего РОНО в Николаевском районе. Он спускал перед заведением «кандидата» и не обнаружил критического чутья, хотя от корабельника за версту несет ароматами частной лавки и базара. Но как же прикажете относиться к поведению секретаря Ленинградского отделения СССР тов. Чивилихина, который терпел под своим надзором частника, давая ему возможность развешивать торговые операции? Тов. Чивилихин, конечно, не знал... А мог знать! Сигналы о коммерческих операциях Терского доходили до Ленинградского отделения. Об этих сигналах узнал и Терской. Он проявил большую пошлость, чем тов. Чивилихин, и использовал свой богатый опыт по организации на скорую с финишисекторами. Он мгновенно свернул свой ларек в Ленинград и снова открыл его в Киеве. А Ленинградское отделение услужливо оформило его перевод из одного отделения в другое.

Один ли такой предпринимчивый частник, давно потерявший всякую связь с литературой, действует «под фирмой» СССР в отдаленных районах нашего Отечества? Один ли он компрометирует наш Союз писателей? Вот прочитай он во многих школах свою лекцию о «Мужестве, находчивости и дисциплине», прочитай детям, прочитай, как советский писатель. А ведь ясно, что А. Н. Терской в своей жизни и в своей торговле смазывал мужество с наглостью, находчивость с изворотливостью, а дисциплину... Впрочем, где уж Терскому рассуждать о дисциплине!

Звание советского писателя — это не пожизненный почетный титул. Это и не фирменная этикетка. Право на это звание дается только честной литературной работой. А кто не работает, пусть уйдет! Если не уходит, надо вычислить. Не должно быть в советском писательском доме ни одного засоренного, захламленного, непроверенного уголка!

Один ли такой предпринимчивый частник, давно потерявший всякую связь с литературой, действует «под фирмой» СССР в отдаленных районах нашего Отечества? Один ли он компрометирует наш Союз писателей? Вот прочитай он во многих школах свою лекцию о «Мужестве, находчивости и дисциплине», прочитай детям, прочитай, как советский писатель. А ведь ясно, что А. Н. Терской в своей жизни и в своей торговле смазывал мужество с наглостью, находчивость с изворотливостью, а дисциплину... Впрочем, где уж Терскому рассуждать о дисциплине!

Звание советского писателя — это не пожизненный почетный титул. Это и не фирменная этикетка. Право на это звание дается только честной литературной работой. А кто не работает, пусть уйдет! Если не уходит, надо вычислить. Не должно быть в советском писательском доме ни одного засоренного, захламленного, непроверенного уголка!

Один ли такой предпринимчивый частник, давно потерявший всякую связь с литературой, действует «под фирмой» СССР в отдаленных районах нашего Отечества? Один ли он компрометирует наш Союз писателей? Вот прочитай он во многих школах свою лекцию о «Мужестве, находчивости и дисциплине», прочитай детям, прочитай, как советский писатель. А ведь ясно, что А. Н. Терской в своей жизни и в своей торговле смазывал мужество с наглостью, находчивость с изворотливостью, а дисциплину... Впрочем, где уж Терскому рассуждать о дисциплине!

Звание советского писателя — это не пожизненный почетный титул. Это и не фирменная этикетка. Право на это

ДЖЕЙМС ЭНДИКОТТ

«...Я начала посещать митинги, на которых выступал Эндикотт. Он помог мне разобраться в том, что происходит в мире. Его убежденность, манера говорить и то, о чем он говорит, произвели на меня огромное впечатление. Я была рада убедиться, что священники моей церкви посвятили свою жизнь борьбе за мир».

Эти слова принадлежат простой канадской женщине, домохозяйке Томас из города Торонто. Они рисуют благородный облик д-ра Джеймса Эндикотта, пламенного борца за мир между народами.

Джеймс Эндикотт родился в 1898 году в Китае. Там прошло его детство. Его отец, миссионер методистской церкви, прожил в этой стране восемнадцать лет. В 1910 году семья вернулась в Канаду. Молодой Эндикотт успешно окончил исторический факультет Торонтского университета. Во время первой мировой войны он был солдатом канадских экспедиционных частей, находившихся в Европе.

Слезуя примеру отца, Джеймс Эндикотт в 1925 году отправился в Китай, как миссионер от объединенной церкви Канады, и прожил там двадцать два года. Он хорошо изучил китайский язык. Действительность Эндикотта, в частности участие в различных благотворительных обществах, завоевала ему широкую популярность в Китае.

Эндикотт уехал из Китая в 1947 году, навсегда оставившим другим китайского народа. Нет, пожалуй, ни одного выступления Эндикотта за последние годы, в котором он не говорил бы об огромных достижениях нового Китая, о великих изменениях в жизни китайского народа. Возвратившись в Канаду, Джеймс Эндикотт заявил на массовом митинге в Торонто, посвященном 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции: «Не может быть продолжения войны, пока народы Азии и Африки не освободятся от угнетателей. Они освободятся, несмотря на все могущество Уолл-стрит».

Канадскому парламенту д-р Эндикотт направил меморандум, в котором изложил свою точку зрения на режим Чан Кай-ши. Он предостерегал против финансовой помощи гоминдановцам, которую щедро оказывало канадское правительство. Но правящие круги Канады не приняли во внимание это предупреждение.

Тогда Джеймс Эндикотт обратился к народу. На свои личные средства он обещал многие города страны. Повсюду он выступал с лекциями, призывал протестовать против вооружения гоминдановских банд на деньги канадских налогоплательщиков, предостерегал слушателей, указывая на растущую опасность новой мировой войны.

Именно в эти годы канадские реакционные круги по команде из США начали особенно усердно разжигать военную истерию и вести яростную антисоветскую пропаганду. Они всячески стремились позавистливо в канадском народе чувство симпатии к советскому народу, освободившему мир от угрозы фашистского порабощения. По призыву Комитета канадско-советской дружбы в Канаду приехал настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон, чтобы рассказать правду о Советском Союзе. Джонсон и Эндикотт побывали во многих городах центральной и западной частей страны. В каждом городе послушали их речи приходили тысячи людей доброй воли. Тут же на митингах организовывались первые комитеты борьбы за мир.

Президентом Комитета защиты мира города Торонто Джеймс Эндикотт был избран в декабре 1948 года. Несколько месяцев спустя состоялся первый канадский съезд борцов за мир и был создан постоянный руководящий орган — Национальный конгресс сторонников мира. Его председателем стал д-р Эндикотт, который и по сей день является главой этого конгресса. Имя Джеймса Эндикотта теперь хорошо известно и за пределами его родины. Он — участник всемирных конгрессов сторонников мира в Париже и Варшаве, член Всемирного Совета Мира.

Энергично выступая за немедленное заключение Пакта Мира между пятью вели-

кими державами, д-р Эндикотт постоянно отмечает исключительное значение этого договора, который явился бы «основой успешного осуществления многочисленных проектов мирного развития и улучшения отношений между всеми странами». Канадские сторонники мира собрали уже сотни тысяч подписей под Обращением о солидарности Пакта Мира.

Самое активное участие в борьбе канадского народа за мир принимает Джеймс Эндикотт и как публицист, редактор ряда печатных изданий. На протяжении нескольких лет он издавал прогрессивный бюллетень «Фар истери леттер», в котором разоблачал агрессивную политику американского, английского и французского империализма в странах Востока, осуждал колониальный режим в Азии и Африке. В своих статьях Эндикотт призывал признать Народный Китай и допустить законных представителей китайского народа в ООН, настаивал на возвращении острова Тайвань Китайской Народной Республике, выступал за прекращение колониальных войн и вывод французских войск из Индокита и английских войск из Малайи. Джеймс Эндикотт — редактор бюллетеня «Спаси мир», издаваемого Канадским конгрессом защиты мира.

По приглашению китайских друзей, в прошлом году д-р Эндикотт вновь побывал в Китае. Убедившись, что американские интервенты ведут преступную бактериологическую войну, распространяют чумных блох и других возбудителей смертельных бактерий с целью уничтожения мирного населения, он мужественно поднял голос против варварства империалистической США. Эндикотт был первым человеком, который привез на американский континент доказательства того, что захватчики применяют бактериологическое оружие против корейского и китайского народов. Он написал книгу «Я объясняю», в которой рассказал соотечественникам правду о том, что происходит в Корее и Китае.

Честное и смелое выступление д-ра Эндикотта против американских агрессоров вызвало, естественно, неустойчивую ярость канадских реакционеров. Они попытались учинить судебную расправу над этим выдающимся борцом за мир. Но ни политиканство, ни суд, ни травля со стороны реакционных газет не запугали Джеймса Эндикотта и не заставили его отступить. Канадское правительство было вынуждено отказаться от возбуждения судебного дела против Эндикотта, так как боялось, что из обвинения оно превратится в грозное обвинение. Как заявил министр юстиции Гарсон, судебное преследование только создало бы «дополнительную рекламу» Эндикотту и всему движению сторонников мира.

Не легко бороться за мир в Канаде, правящие круги которой во всем следуют приказам Уолл-стрит. «В Северной Америке и особенно в Канаде», — говорит д-р Эндикотт, — трудно рассказать народу о фактах, характеризующих движение за мир. Печать, представляющая крупные деловые круги, не станет публиковать благоприятные сведения о борьбе за мир. Мы лишены всякой возможности выступать в поддержку нашего дела по радио. Школы закрыты для нас так же, как и церкви, за исключением немногих. Власть поносит нас как протестов, хулиганов срывает наши митинги, наши возможности изложить наше дело народу все время уменьшаются. И тем не менее ряды сторонников мира в Канаде крепнут и ширятся.

Весте о присуждении Джеймсу Эндикотту международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» вызвала у канадских сторонников мира новый прилив энергии. Прогрессивная общественность Канады горячо приветствует решение Комитета по международным Сталинским премиям. Газета «Канадиан трибюн» в переловой статье отметила, что присуждение Эндикотту международной Сталинской премии мира является замечательным данью его неутомимой работе в борьбе за мир и братство между народами. Это — признание растущего в Канаде движения за мир...»

С. ЩЕРБАТЫХ

Почти все великие писатели прошлого щедро отдавали силы своего гения драматургии. Этой традиции были верны художники, которые по праву зовутся вождями советской литературы, — Горький и Маяковский.

Недавно появилась книга, посвященная драматургии и театрально-эстетическим взглядам Маяковского. — книга Б. Ростоцкого «Маяковский и театр». В книге этой немало ценного. Б. Ростоцкий рассматривает драматургию поэта, как органическую часть его творчества, он обращается к драматическим произведениям Маяковского не только с точки зрения их темы и идейной направленности, но и их жанровых особенностей, языка, сюжетного строения. В главах, посвященных «Клопу» и «Бане», автор верно, интересно анализирует многие образы произведений. Б. Ростоцкий стремится проследить преемственную связь между сочинениями Гоголя, Щедрина, Сухово-Боблыгина и драматургией Маяковского. В книге рассказывается и о работе поэта в области агитационного театра первых лет Октября, в области цирка.

Таковы, в общих словах, достоинства исследования Б. Ростоцкого, и за них читатели будут благодарны автору первой обстоятельной, серьезной работы о драматургии Маяковского. Но в книге есть существенные недостатки, о которых надо говорить в первую очередь, ибо они во многом отражают ошибки в изучении творчества великого поэта и тормозят творческое усвоение драматургической традиции Маяковского.

1. Драматические произведения Маяковского, написанные в советскую эпоху — «Мистерия-буфф» и в особенности «Клоп» и «Баня», составляют важную линию в развитии советской драматургии — линию сатирическую. Ни один советский драматург не подымался еще до такой высокой степени типизации жизненных явлений в остро-сатирических, преувеличенных до гиперболических образов. И это необычайно ценно в драматургии Маяковского, этому прежде всего следует учиться у великого поэта наших драматургов.

Последняя глава книги Б. Ростоцкого называется «Театральная традиция Маяковского». Можно было бы думать, что здесь автор со всей ясностью подчеркнет значение сатирической направленности драматургии поэта, покажет, как неправы наши драматические писатели, чудачающиеся этого боевого жанра. Б. Ростоцкий этого не сделал. Многие верные суждения о сатирической силе комедий «Клоп» и «Баня» висят в воздухе, потому что в своих выводах Б. Ростоцкий проявляет настойчивое желание безгранично расширить традицию Маяковского-драматурга, лишить ее жанрового своеобразия.

Б. Ростоцкий пишет: «Было бы глубокой ошибкой закреплять лишь за отдельными драматургами, за отдельными деятелями театра своего рода «монополию» на следование традиции Маяковского». Это, безусловно, верно! В драматургии, равно как и в поэзии, нет и не может быть узкой группы «наследников» и «продолжателей» великого поэта. Творческий опыт Маяковского есть достояние всей советской литературы, и каждый наш поэт, прозаик или драматург учится у Маяковского активному, боевому, безавтоматическому народному, каждый советский писатель, работающий в своем жанре, отличающийся своей творческой индивидуальностью, находит в сокровищнице творчества Маяковского великодушный, вечно живой опыт художественного мастерства.

Это бесспорное положение отнюдь не означает, что в творчестве Маяковского, в частности в его драматургии, нет своеобразных художественных особенностей, творческих приемов, которые могут и должны развиваться в нашей литературе рядом с другими художественными особенностями и приемами. Социалистический реализм предполагает богатство и многообразие жанров, творческих направлений художников. Если мы откажемся от этого, то вся советская литература (как, впрочем, и вся передовая литература прошлого) предстанет перед нами, как литература художественно безликая, жанрово одинаковая. Так, собственно, и получилось у Б. Ростоцкого применительно к драматургии.

Драматургическая традиция Маяковского сведена в книге к изображению борьбы нового со старым. Но ведь в передовая советская литература на всех этапах ее развития отражала исторический процесс строительства коммунизма, происходивший в борьбе нового со старым. Если мы согласимся с Б. Ростоцким, то надо оставить все разговоры о художественной традиции Маяковского или Горького, а говорить лишь об общей идейной направленности советской литературы; мы должны будем также отвергнуть мысль о традиции, скажем, Гоголя или о традиции Толстого в советской литературе, ибо и Гоголь и Толстой, правдиво отражая жизнь, служили делу исторического прогресса.

Отражение борьбы нового со старым в литературе — это понятие многообразное, исторически и художественно конкретное. В книге Б. Ростоцкого оно превращается в беззастенчивую формулу, потгнотившую и уравнившую самые различные художественные явления. Автор задает естественный вопрос: в каких драматических произведениях наиболее четко выявлялась творческая традиция Маяковского-драматурга? И если его можно согласиться с тем, что сатирическая традиция Маяковского во многом определяет жанровые особенности комедии А. Корнейчука «Фронт», то лишь неудачно вызывает намерение Б. Ростоцкого ввести в русло этой традиции «Далеко от Сталинграда» А. Сурова. А он так и пишет: «Разве не переключается с «Баней» и пьеса А. Сурова «Далеко от Сталинграда»? В ней отчетливо видно то новое, что привнесло в конфликт Остро и Осердского наше сегодня, но одновременно не мнит ли за самостоятельной и самодостаточной фигурой бюрократ-чиновника «при промышленности» Красавина дажно знакомая фигура Победоносикова?

Положительный ответ на этот вопрос, — продолжает Б. Ростоцкий, — вовсе не будет упреком автору, так как в деле это не в подражании, а в умении остро увидеть в настоящую борьбу нового со старым, ту борьбу, которая была отражена Маяковским в его последних произведениях, предназначенном для театра».

Но ведь с таким же успехом мы можем поставить в русло сатирической традиции

Б. Ростоцкий, Маяковский и театр. «Искусство», 1952. Ред. В. Натанкин.

Маяковского любое хорошее произведение советской драматургии, расширять эту традицию до бессмыслицы и, по сути дела, прийти к выводу, что никакой традиции Маяковского в драматургии... нет. К этому закономерно и приходит Б. Ростоцкий.

«В «Далеко от Сталинграда», — пишет он, — отражена и развита в соответствии с условиями современности одна из центральных тем нашей драматургии — тема борьбы нового со старым в нашем обществе, которая была основой развития острого и напряженного конфликта и в «Бане» Б. Маяковского и во «Фронте» А. Корнейчука. Поэтому так ясно выступает связь драматургической традиции названных авторов с «Баней» Маяковского — это единая традиция передовой советской драматургии».

А это неверно. Такое мнение объективно ведет к художественной нивелировке советской драматургии, к стиранию различий между множеством ее жанров и — конкретно — к игнорированию сатирического жанра, родоначальником которого в советской драматургии является Маяковский.

Б. Ростоцкий, видимо, не учитывает, что сатирическая пьеса не только разоблачает отрицательные явления жизни, но разоблачает особыми, присущими именно сатирическому жанру художественными средствами и прежде всего средством резкого преувеличения, заострения главной, определенной по плану иное явление черты. Победоносиков — это концентрированное выражение бюрократизма, невежества, чиновничьей чванливости — и эти черты раскрыты Маяковским крупно, броско, определенно, во всем, начиная от фамилии и должности Главначпука и кончая каждой репликой. Вот Победоносиков узнал о совершении в его ведомстве растрате:

— Чувашини! Неостужили! Кто? Растратчик! Где? У меня! В какое время? В то время, когда я веду мое учреждение к социализму по генеральным стопам Карла Маркса и согласно предписаниям центра...

Один этот короткий сатирический внутренний диалог, весь его лексический состав полностью раскрывают самую суть явления, которое выводится на свет божий и разоблачается в образе Победоносикова. Можно взять любую реплику, и в каждой из них драматург обнажает догма это явление, прибегая поочередно к самым невероятным, с точки зрения жизненного правдоподобия, преувеличениям. Победоносиков в течение всей пьесы не произносит ни одного слова, которое не имело бы непосредственного отношения к сатирическому раскрытию типического явления.

Ясно, что обличение Косности, десятилетия эгоизма, бюрократизма в образе Красавина достигается совершенно другими художественными средствами.

Б. Ростоцкий не только не подчеркивает, что главное в драматургической традиции Маяковского — сатирическая направленность, публицистическая заостренность, но, по существу, увел читателя от этой мысли. Он утверждает, что значение опыта Маяковского для роста нашей театральной культуры состоит «прежде всего в самом создании типа новой, советской комедии, в которой обличающее начало не только слито воодно с началом утверждающим, но и почитнее ему».

Это опять-таки общие слова, смысл которых состоит в том, что существует единый тип комедии. На самом же деле комедия вмещает в себя произведения самых различных жанровых оттенков — и героическую, и лирическую, и бытовую комедию, и все на равных правах входит и сатирическая комедия и повеселит. Что же касается утверждающего начала, то есть идейной ясности драматического произведения, отчужденного идейного вывода о торжестве коммунистической морали в нашем обществе, то это утверждающее начало достигается разными путями и средствами; оно может быть достигнуто и путем раскрытия красоты духовного мира персонажа человека нашего времени, и путем разоблачения отрицательных явлений, разоблачения настоящего, что оно само по себе убеждает читателя и зрителя в торжестве нового. Очень часто эти пути совпадают, но от драматурга, от избранного им жанра зависит, какой путь становится главным.

Вместо того, чтобы призвать советских драматургов к творческой работе в самых различных жанрах, вместо того, чтобы на опыте Маяковского помочь им овладеть искусством сатиры, Б. Ростоцкий утонул в суждениях о сатирической традиции драматургии Маяковского в общих рассуждениях о единой традиции советской драматургии, о едином типе комедии, отбрасывая идейные задачи нашей драматургии к художественным способам решения этих задач.

2. Драматические произведения Маяковского, созданные в советскую эпоху, одухотворены революционной страстью, они заключают в себе яростную сатиру, беззастенчиво нацеленную против того, что мешает строительству коммунизма. Своим всемогущим словом Маяковский создал удивительные по силе типического обобщения образы, которые навсегда останутся нарицательными обозначением местничества, бюрократизма, приспособленчества, подхалимства. Клеймя эти пороки, пришедшие из капиталистического прошлого, поэт расчищал пути к будущему.

Сатирические комедии Маяковского сыграли важную роль в борьбе против эстетства на советской сцене, являясь законченным образом которого являлось искусство Камерного театра. В пору своего появления комедии «Клоп» и «Баня» активно ратовали за смелое вторжение театра в жизнь, за решение на сцене политических задач и тем самым противостояли аполоитичности, еще наблюдавшейся поочередно в репертуаре даже наиболее передовых театров страны, таких, как Малый или Художественный.

Но вместе с тем комедии Маяковского не вошли в репертуар реалистических театров, определяющих главную линию развития советского театрального искусства: «Клоп» и «Баня» увидели свет только на сценах театров формалистических.

Почему? Нет никакого сомнения в том, что режиссеры-формалисты, и прежде всего Мейерхольд, стремились использовать драматургию Маяковского в своих целях, в целях борьбы против реализма на сцене.

Захват формалистами драматических произведений Маяковского надолго определил их сценическую судьбу. До сих пор существует мнение, будто такие пьесы, как «Клоп» и даже «Баня», не могут быть сыграны в театрах, стоящих на позиции жизненной правды. Это застарелая ошибка.

Достаточно свежими, беспристрастными глазами прочесть эти пьесы, и станет ясно, что в своей основе они реалистичны и что театрам, которым близка сатира, безусловно следует отдаваться на постановку сатирических комедий Маяковского.

Отвечается — потому что это весело. Великолепно прозвучат сейчас сатирические сцены «Клопа» и «Баня», где острые, преувеличенные образы, созданные Маяковским, будут не только напоминать зрителю о предах нынешних Присыпкинских, Победоносиковых, Баянов и Мезалыных, но и беззастенчиво разить отрицательные явления нашей современной жизни. «Красная» свалба в «Клопе» — разве не жестоко бьет она людей, которые до сих пор ищут на себе груз мещанства, пошлости и подхалимства? Многие нынешние бюрократы, чинуши, но ошибке занимающие руководящие кресла, узнают себя в Победоносикове. «Я сижу здесь, за письменным столом, но ты изображаешь меня retrospectively, то есть как будто бы на лавинах» — это очень смешно, и смех здесь выступает грозной силой, обличающей чванливую тугошею пных руководителей.

Не следует бояться нашим театрам и условности, фееричности, фантастики в комедиях Маяковского. Можно, например, превосходно поставить очень реалистический в своем существе «белоглазый лары» в финале «Баня», когда Победоносиков «в входе» вываливается из машины времени, ниспущен к коммунизму.

В то же время каждый театр, взявшийся за постановку пьесы Маяковского, встретится с немалыми трудностями. Многие понятия того времени просто отжили свой век — таковы, например, представления о языке будущего, как каком-то шифре, «борьба с рукоизматизмом», «летал кавалерия» и другие, а всему этому уделено немало места и в «Бане» и в «Клопе». Но дело не только в этом. Трудность постановки комедии Маяковского на сцене определяется, разумеется, и художественными недостатками самих пьес. Не только летом 1979 года в «Клопе», но и такие, скажем, персонажи, как рабочие Двойник, Тройник и Фоскин в «Бане», не заключают в себе и малой доли той яркости, сочности, которыми отличаются сатирические образы. Б. Ростоцкий правильно поступает, приводя высказывания Маяковского о недостатках в обранных пьесах положительных типах, о стремлении поэта «отказаться от некоторой голы публицистичности»; но автор книги напрасно ищет, правда, с оговорками, об индивидуализации, углубленной характеристике положительных героев «Баня». Лишь в образе Чулакова намечены живые индивидуальные черты и отражены характерные особенности «чулака-бюрократизма».

В сатирических комедиях Маяковского есть и другие недостатки, но надо помнить решающее обстоятельство: реалистическая сила, боевая сатира «Клопа» и «Баня» намного перевешивают эти недостатки. Вот почему наши театры должны смело обращаться к комедиям Маяковского.

Говоря о том, почему эти комедии в пору своего появления остались за пределами реалистических театров, следует иметь в виду некоторые ошибки Маяковского в его творческих суждениях о театре. Об этом ничего не сказал Б. Ростоцкий, полагая, видимо, что, критикуя ошибки Маяковского, он «обидит» его, умалит великое значение творчества лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи.

3. Разделяя неверное мнение некоторых исследователей поэзии Маяковского, Б. Ростоцкий упрощенно ставит в прямую, непосредственную связь участие юного Маяковского в революционной партийной работе и его раннюю поэзию, но много непонятную на себе влияние футуризма. Надо думать, именно это ошибочное суждение привело к тому, что Маяковский тринадцатого года, Маяковский — автор первой трагедии представляется в книге не только, как поэт, который «выступает от мира простых, угнетенных людей, выступает их представителем — трибуном, защитником и глашатая», но и как теоретик, придерживающийся реалистических взглядов на искусство актера.

Это неверно. Поэзия раннего Маяковского уже заключала в себе большую социальную тему, отражала бунт поэта против капиталистического строя, но была идейно весьма противоречива. Юношеские произведения Маяковского отличались условностью и эстетизмом формы. Что же касается творческих взглядов Маяковского на искусство, и в частности на театр, то в ту раннюю пору его творчества они заключали в себе очень существенные ошибки формалистического толка. Об этом следует ясно сказать, ибо только тогда можно понять, какой большой и трудный путь прошел Маяковский, какое решающее значение имела для его творчества Великая Октябрьская социалистическая революция.

Б. Ростоцкий предпочел сгладить путь поэта. Явно преувеличивая идейное значение юношеской трагедии «Владимир Маяковский», автор описывает ее постановку в театре «Юна-парк» (1913 г.) и замечает: «Мы уже видели, как решительно и глубоко преодолел Маяковский ложные, враждебные реализму тенденции в своем первом опыте практической деятельности в театре, разрушил и разоблачил каноны условно-эстетического театра».

Но на самом деле спектакль в театре «Юна-парк» был далеко от реализма, что, кстати, вполне подтверждается и описанием Б. Ростоцкого. Восставая против буржуазного театра, падшего за символистской мистики и откровенной порнографии, Маяковский в ту пору вовсе не ратовал за возрождение реалистического театрального искусства; его спектакль, который представляется Б. Ростоцким орудием борьбы с театральным декадансом, на самом деле был в большой мере связан с театральным декадансом. Б. Ростоцкий также произвольно толкует и статьи Маяковского о театре и кино, написанные в те годы. Он утверждает, например, что «Маяковский в своих статьях... не только не провозглашал гибель театра вообще, как особого вида искусства, а, напротив, говорил о его расцвете». Но ведь расцвет театра понимал тогда Маяковский ошибочно — как сведение деятельности «сегодняшнего театра к машинному производству, простому и дешевому». Речь здесь шла о кино.

Расстановками читателям ранние статьи Маяковского о театре, автор порой просто объявляет черные белым. «Так, например», — пишет Б. Ростоцкий, — он (Маяковский) говорит об особом искусстве актера, «где интонация даже не имеющего определения значения слова и выдуманные, но свободные в ритме движения человеческого тела выражают величайшие внутренние переживания». Здесь двадцатилетний Маяковский сходится во мнениях с режиссером эстетско-формалистического театра, и в этом особенно отчетливо сказывается противоречия его тогдашней эстетической позиции. Однако Б. Ростоцкий делает нежеланный вывод: «Не трудно, конечно», — замечает он, — в первой части приветной формулировки видеть прямые отголоски футуристского формализма, но как характерно и многозначительно, что здесь же Маяковский утверждает, что здесь же главное содержание актерского творчества — «величайшие внутренние переживания».

Теоретические заблуждения юного поэта, порожденные временем, влиянием буржуазного искусства, автор объявляет прогрессивными.

Очень плохо, когда исследователь, в угоду ложно понимаемой объективности, скажет ошибки великого художника. Но плохо и другое: превращение заблуждений великого художника в его правоту. Это плохо потому, что — неправда, и потому, что такая антиисторическая позиция исключает возможность по-настоящему понять творчество и эстетические взгляды художника.

Революция помогла поэту преодолеть серьезные эстетические ошибки. Великий поэт очень ценит драматургию, видел в ней грозное оружие в борьбе за коммунизм и требовал, чтобы театр активно пропагандировал политику коммунистической партии. Очень дорог в суждениях Маяковского о театральном искусстве его страстный призыв вырваться в жизнь, не слепо копировать действительность, а браться за нее самые главные явления и в напряженном драматическом действии выявлять их существо.

Ставь прожектора, чтоб рампа не померкла. Крути, чтоб действо мчалось, а не текло. Театр не отображающее зеркало, а — увеличивающее стекло.

Это определение театра звучит сегодня призывом к яркости, к крупной масштабности, к высокому идейному и художественному накалу нашего театрального искусства.

Маяковский ратовал за богатство и многообразие театрального творчества — и в его жанрах, и в его выразительных средствах, — и это стремление поэта-борца также живо и актуально сегодня. Многим нашим режиссерам, ставшим на неверный путь творческой одинаковости, безформенности, однообразной «правильности», стоит вспомнить, какую четкую своеобразную форму находил Маяковский в своих драматических произведениях.

Однако, говоря за театр для широких масс, за яркость и доходчивость театральной формы, Маяковский ошибочно противопоставлял такой театр театру психо-логической правды. «...вместо психологического театра», — говорил он на диспуте о пьесе «Баня», — мы выставляем зрелищный театр».

Дорожа всем ценным в театрально-эстетической позиции Маяковского, мы должны ясно сказать о тех заблуждениях, которые в этой области были у поэта. Это необходимо для того, чтобы творчески развивать то положительное, что было во взглядах Маяковского на театр.

Некоторые наши критики полагают, что те, кто говорит об ошибках Маяковского, не любят творчества великого поэта. Это предвзятый и пошлый взгляд, гимнастическое рассуждение о любви. Наоборот, — тот, кто искренне, горячо любит творчество Маяковского, тот признаком ошибочных суждений поэта не бросит тени ни на его великие творения, ни на свою любовь к художнику. А вот что, боюсь сказать о заблуждениях великого поэта, то, надо думать, действительно недостаточно уверен в его величии.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Н. ТОЛСТОГО

Алексей Николаевич Толстой... Какая счастливая писательская судьба! Всеми у нас говорят о том, кем может стать в нашей стране талантливый художник, если талант его служит народу, делу строительства коммунизма. С какой глубокой искренностью выразил эту мысль сам Алексей Толстой, когда в день своего пятидесятилетия говорил, что если бы не было революции, то в лучшем случае его ожидала участь Потанина — «серая, бесцветная действительность допотопического среднего писателя».

В советское время Толстой стал не только всенародно признанным и любимым писателем, но и деятелем большого государственного, общественного масштаба. Горькие ощущения своей эпохи, небоязненная жажда участия во всех делах народа, желание быть всюду, где кипит труд или идет бой, — вот что заставляло его страстно вписывать в жизнь, быть голосом души народной.

Он жил напряженным трудом народного избранника в заботах о благе советских людей, он принимал активное участие в руководстве Союзом советских писателей, в работах Академии наук, как академик; его голос звучал с трибуны международных конгрессов в защиту культуры и мира в Париже, в Валенсии, в Мадриде, его видели испанские борцы за свободу и на улицах баррикад своей столицы и на фронтах Гвадалахары и Карабачели.

Трилогия «Хожение по мукам», героическая повесть об обороне Парижа, «Хлеб», эпопея о Петре Первом, драматическая диалогия об Иване Грозном, пламенная публицистика — такая замечательная поэтическая летопись истории русского народа!

Без полного духовного слияния с интересами Родины не рождается большое искусство — Толстой это знал, быть может, лучше, чем кто-либо иной из наших писателей старшего поколения. Когда в первые годы Октября он оказался в отрыве от Родины, он, как художник, всем существом своим ощутил, что это несет творческую смерть, обрывает на бесплодие. Его дарованье лишилось тогда главного — жизнен-

СУДЬБА ПИСАТЕЛЯ

ной силы, исторической перспективы, веры в завтрашний день, в будущее. И жизнь разносторонний, человеколюбивый талант Алексея Толстого, талант, за которым утвердилось звание — земной, веселый, начал пропитаться пессимизмом. И когда задумываешься над этим, кажется, подчас, что об этом теперь уже не стоит вспоминать, что эти факты стали достоянием историков литературы и монографии.

Нет, стоит! Это многое объясняет в творчестве Алексея Толстого, творчестве женом и любимом народом.

Его герои, с которыми он сжился за годы труда над крупнейшими своими сочинениями, — Иван Ильич Телегин, Валентин Петрович Рошин, Катя и Лаша Бузавины, исключенным потоком революции, оказались включенными в великую битву народов за социализм. И для писателя и для героев, близких его сердцу, открылась новая ясная перспектива.

Петр Первый раскрыл им иначе теперь, чем прежде, когда он мальчик заглядывал в историческом тумане, трагическим гением, одиноким и сгибающимся под тяжестью своей непосильной паретической ноши.

Когда писатель говорит о себе, что он революционер, десять лет писал и не знал, для чего он пишет, если он за эти десять лет написал четыре тома прозы, а в последние советские годы — одиннадцать томов наиболее значительных своих произведений, то это значит, что только после Октября он нашел себя, как художник, нашел свою тему, своего читателя. «Сейчас и чувствую живого читателя, который мне нужен, который обогащает меня и которому нужен я», — говорил он.

Любовь к новой, социалистической Родине дала Толстому сознание своей творческой силы, обогатила его мастерство художника. Он писал: «Мы любим нашу родину, потому что это наша родина. Человек, не слепящийся к этому высокому чувству, — мертвый человек... Мы потому любим нашу родину — СССР, что в ней мы, как птицы, в воздухе, — не летела нашему горлому полету все выше, к солнцу, к счастью».

Родилось новое чувство ответственности писателя перед Родиной и народом, изме-

нилось и само понятие мастерства у Толстого. Если раньше при всей внутренней тяге к реализму в его допотопическом творчестве давала чувствовать себя пролетария не школа буржуазного эстетизма, то «наглухо застегнутый, черный сюртук символизма», о котором он говорит в автобиографии, то в советский период его искусство становится по-настоящему народным. Это помогло ему написать книги, в которых он «воспел» созидательный гений русского народа, величие революции, бесмертие дела коммунизма.

Теперь Толстой писал уже не для маленького круга избранных, а для миллионов самых взыскательных читателей, людей труда. Отсюда выросла его исключительная требовательность к себе. Ведь Толстой не оставил при переиздании ни одного своего произведения допотопических лет без существенной стилистической правки! Он кропотливо работал над своим стилем, стремился придать каждому слову, предельную выразительность, каждой фразе — законченность. Образом труда над поэтическим словом служила для него великие русские классики: «Марать нужно много, чем больше, тем лучше. Писать без поправок нельзя. Это вздор. — Не черкают и не марают только графоманы. Человека должно мучить, если он на странице не найдет ни одного места, чтобы зачеркнуть и переправить. Никто так не марал рукописей, как Пушкин или Лев Толстой».

Он почитал совершенством язык. «На котором мыслит Ленин, на котором с математической ясностью и простотой Сталин выражает философию движения истории...»

«Язык», — говорил А. Толстой, — орудие мышления. Обращаться с языком как с оружием — значит и мыслить кое-как. «Писать честно, ясно, просто, величаво», — так он советовал и так писал сам. И народ, который честно, просто, величаво строит сегодня прекрасное здание коммунизма, платит своему художнику любовь и признанием.

Ю. АКИМОВ

